

МАРК ВЕЙНАР

СЕМЬ РАЗ МЫ БЫЛИ ЖЕНАТЫ

РОМАН

Марк Вейнар

Семь раз мы были женаты

«Автор»

2026

Вейнар М.

Семь раз мы были женаты / М. Вейнар — «Автор», 2026

Алиса Снегирёва работает в агентстве «Близкие люди»: помогает клиентам репетировать трудные разговоры и на несколько часов становится женой, дочерью или близким человеком, которого им не хватает. Журналист Роман Орлов приходит туда под чужим именем. Его отец перед смертью перечислил агентству крупную сумму, и Роман намерен выяснить, за что платил человек, с которым он не разговаривал семь лет. Вместе с Алисой он участвует в семи постановочных браках — для семейного праздника, школьного вечера, примирения и прощания. Чужие роли постепенно заставляют обоих говорить о собственных потерях, а расследование сталкивает профессиональную ложь с настоящим доверием. Алиса не знает, кто её новый партнёр на самом деле; Роман всё хуже понимает, где заканчивается собранный материал и начинается жизнь, которую уже нельзя записать на диктофон.

© Вейнар М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ Репетиция	5
ГЛАВА 1 Жена по договору	8
ГЛАВА 2 Новый партнёр	11
ГЛАВА 3 Идеальная история	15
ГЛАВА 4 Первый брак	18
ГЛАВА 5 Лишняя импровизация	21
ГЛАВА 6 Запись номер один	24
ГЛАВА 7 Обычная семья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марк Вейнар

Семь раз мы были женаты

ПРОЛОГ Репетиция

— • —

Сергей Михайлович пришёл на двадцать минут раньше и всё это время сидел в коридоре, держа шляпу на коленях.

Шляпа была старая, фетровая, с тёмной лентой. В такую погоду её никто не носил: за окнами стоял сухой сентябрь, солнце нагревало подоконники, и в открытые форточки тянуло пылью с Литейного. Но Сергей Михайлович не снимал пальто и то и дело проводил большим пальцем по полям шляпы, будто проверял, на месте ли она.

Алиса наблюдала за ним из-за матового стекла двери. В папке было написано: шестьдесят восемь лет, вдовец, бывший инженер-конструктор. Запрос — «репетиция личного разговора». Отдельной строкой: клиент просит исполнительницу сыграть его взрослого сына.

— Не нравится? — спросила Лидия Андреевна.

Она возникла рядом бесшумно, как всегда. Строгий серый костюм, серебряная брошь в виде ласточки, очки на тонкой цепочке. В агентстве её называли директором, хотя «Близкие люди» занимали всего пять комнат на втором этаже бывшей типографии и по размеру больше походили на неудачно разросшуюся театральную студию.

— Непривычно, — ответила Алиса. — Обычно сыновей играют мужчины.

— Он отказался. Сказал, что с мужчиной начнёт спорить.

— А со мной?

— Возможно, начнёт говорить.

Лидия Андреевна протянула ей тонкий конверт.

— Здесь фотография. И несколько фраз, которые его сын действительно произносил. Не копируй голос. Ему не нужна пародия.

На снимке был мужчина лет тридцати пяти. Высокий, тёмноволосый, с упрямо сжатыми губами. Он стоял возле какого-то суда или административного здания и смотрел не в объектив, а на человека за камерой. На обороте было написано одно имя: Роман.

Алиса задержала фотографию в руках чуть дольше, чем требовалось.

— Как давно они не разговаривали?

— Семь лет.

— Причина?

— Не спрашивай о том, что клиент не включил в заявку.

Это было первым правилом «Блиzkих людей»: они не добывали правду. Они создавали для неё безопасное место.

В комнате для репетиций стояли два кресла, стол и торшер. Никаких зеркал, камер и театральных декораций. На стене висели часы с бесшумной секундной стрелкой. Клиентам и без того казалось, что их оценивают; лишний реквизит превращал разговор в спектакль, а Лидия Андреевна терпеть не могла, когда работу агентства называли спектаклем.

Сергей Михайлович вошёл осторожно. Увидев Алису, нахмурился.

— Вы слишком молодая.

— Ваш сын старше меня всего на пять лет.

— На фотографии вы не похожи.

— И не должна. Сегодня вам нужно не поверить, что я Роман. Вам нужно сказать мне то, что вы не можете сказать ему.

Он поставил шляпу на стол и сел. Пальто оставил застёгнутым.

— А вы будете отвечать?

— Если попросите.

— Он бы не стал ждать, пока я попрошу.

— Тогда начнём с этого.

Алиса изменила позу: откинулась на спинку кресла, скрестила руки, чуть подняла подбородок. Не мужчина, не сын, не копия человека с фотографии — только закрытость, которую Сергей Михайлович ожидал увидеть.

— Ну? — сказала она. — Зачем позвал?

Он вздрогнул.

— Вот так и говорит.

— Значит, отвечайте.

Сергей Михайлович посмотрел на часы. Потом на окно. Потом на свои руки.

— Я получил результаты обследования.

Алиса молчала.

— Врачи говорят, операция возможна. Но... — Он кашлянул. — В общем, гарантировать ничего не могут.

Она видела десятки клиентов, которые приходили репетировать признание, извинение, отказ или последнее прощание. Почти все начинали с несущественного: с погоды, расписания поездов, чужих диагнозов, цены на лекарства. Будто главное можно было пронести между бытовыми словами незамеченным.

— Ты поэтому решил вспомнить, что у тебя есть сын? — спросила Алиса.

Сергей Михайлович резко поднял голову.

— Я не забывал.

— Семь лет — убедительный способ помнить.

— Ты тоже не звонил.

— Это ваше оправдание?

Он сжал подлокотники. На мгновение Алисе показалось, что сейчас он встанет и уйдёт. Но старик остался.

— Нет, — сказал он. — Это то, что я повторяю себе по ночам, чтобы уснуть.

Алиса медленно разжала руки.

— Продолжайте.

— Я следил за тобой. Читал всё, что ты писал. Даже ту статью про больницу, после которой на тебя подали в суд. Купил три экземпляра журнала.

— Зачем три?

— Один себе. Один отдал соседу. Третий... не знаю. Наверное, думал, что однажды ты придёшь и я попрошу расписаться.

Он усмехнулся, но лицо у него сразу стало растерянным.

— Глупость, да?

— Не знаю, — ответила Алиса уже не голосом Романа. — Что вы хотите от него услышать?

— Ничего.

— Тогда зачем репетируете?

Сергей Михайлович посмотрел на фотографию, лежавшую рядом со шляпой.

— Чтобы не обвинить его, когда он придёт. Чтобы не сказать, что он опоздал. Я сам сделал так, что ему некуда было возвращаться.

— Что вы скажете вместо этого?

Он долго молчал. За стеной зазвонил телефон, кто-то прошёл по коридору, старая труба отопления щёлкнула, хотя отопительный сезон ещё не начался.

— Я горжусь тобой, — произнёс Сергей Михайлович наконец.

Слова прозвучали тихо и совершенно неубедительно.

— Ещё раз, — сказала Алиса.

— Я горжусь тобой.

— Не мне. Ему.

Старик посмотрел ей в лицо. Сначала — настороженно, потом так, словно в чертах незнакомой женщины действительно мог на секунду проступить сын.

— Роман, — сказал он. — Я горжусь тобой. Всегда гордился. Даже когда злился. Особенно когда злился, наверное.

Алиса почувствовала, как к горлу подступает знакомое, нежелательное тепло. Профессионал не должен плакать раньше клиента. Иногда — вообще не должен.

— Хорошо, — произнесла она. — А теперь самое трудное.

— Что именно?

— Позвонить ему.

Сергей Михайлович отвёл взгляд.

— Сегодня не смогу.

— Вы пришли ради этого.

— Я пришёл научиться.

— Научились?

Он аккуратно надел шляпу.

— Нет. Но теперь знаю, какие слова всё равно не скажу.

У двери он остановился.

— Можно я приду ещё раз?

— Конечно.

— И вы снова будете им?

Алиса посмотрела на фотографию.

— Если вам это поможет.

Сергей Михайлович кивнул и вышел. Через матовое стекло было видно, как Лидия Андреевна помогает ему застегнуть воротник пальто, хотя тот и без того был застёгнут до конца.

Алиса осталась одна. Она положила снимок в конверт, но перед тем ещё раз посмотрела на мужчину, которого только что играла.

Тогда она не знала, что однажды он войдёт в эту же комнату под чужим именем.

И что его отец так и не решится позвонить.

ГЛАВА 1 Жена по договору

— • —

В договоре было двадцать три пункта, и слово «любовь» не встречалось ни разу.

Алиса проверила это ещё в первый день работы. Ей казалось забавным, что документ, позволяющий человеку на несколько часов получить жену, дочь, друга или давно потерянного брата, подробно описывал конфиденциальность, границы физического контакта и запрет на финансовые поручения, но обходил молчанием единственную причину, по которой всё это существовало.

— Пункт четырнадцать, — напомнила она клиенту. — Мы не подтверждаем ложные сведения перед банками, нотариусами, работодателями и государственными органами. Если ваша сестра снова спросит, на кого оформлена квартира, я переведу разговор.

— Конечно, — торопливо сказал Игорь Вадимович. — Ей просто любопытно. Она такая.

Он стоял перед зеркалом в переговорной и пытался завязать галстук. В сорок семь лет Игорь Вадимович управлял сетью стоматологических клиник, носил часы стоимостью с небольшую квартиру и совершенно терялся при мысли, что старшая сестра узнает о его одиночестве.

Сегодня Алиса должна была сыграть его жену на юбилее матери.

— Как меня зовут? — спросила она.

— Лариса.

— Алиса.

— Да. Простите. Я волнуюсь.

— Если назовёте меня Ларисой, скажем, что так звали вашу первую любовь и я давно вас дразню.

Игорь Вадимович побледнел.

— У меня действительно была Лариса.

— Тогда лучше не ошибайтесь.

Он нервно рассмеялся. Алиса поправила ему узел, отступила на шаг и оглядела их отражение. Со стороны они вполне могли сойти за супругов, которые прожили вместе несколько лет и научились не демонстрировать близость на людях. На ней было тёмно-зелёное платье, выбранное стилистом агентства; на пальце — простое кольцо из реквизиторской коробки. Игорь Вадимович прислал фотографии квартиры и список семейных историй. За сорок минут Алиса выучила имена его племянников, аллергию матери на мёд и причину, по которой в детстве он боялся голубей.

Гораздо труднее было запомнить выдуманную жизнь.

Они якобы познакомились в аэропорту Казани, когда рейс задержали на шесть часов. Алиса работала дизайнером интерьеров. Они были женаты два года. Медовый месяц провели в Португалии, детей пока не планировали, потому что «хотели пожить для себя».

Последняя фраза принадлежала самому Игорю Вадимовичу. Он произносил её с таким облегчением, будто заранее закрывал дверь перед вопросами, которые задавали ему всю жизнь.

— Зачем вы сказали семье, что женились? — спросила Алиса, пока он надевал пиджак.

— Мама плохо себя чувствовала. После операции всё спрашивала, есть ли рядом со мной кто-нибудь. Я ответил, что есть. Потом она захотела увидеть фотографию. Потом сестра попросила передать трубку. Слово за слово...

— И появилась я.

— Не вы. То есть сначала не вы. Просто жена.

Он сказал это без грубости. Жена существовала для него как должность, которую срочно требовалось занять.

— После юбилея вы собираетесь нас развести?

— Думаю, да. Через пару месяцев. Спокойно, без скандала.

— Хороший план.

— Вы осуждаете?

— Это не входит в договор.

Игорь Вадимович снова посмотрел на неё в зеркале.

— А что входит?

— Сделать так, чтобы сегодня ваша мама не тревожилась. И помочь вам не утонуть в собственной легенде.

В банкетном зале оказалось сорок человек, хотя клиент обещал двадцать пять. Семейные праздники почти всегда разрастались после подписания договора. Появлялись троюродные сёстры, соседи по даче, бывшие коллеги и одна особенно наблюдательная тётка, которая помнила всех женщин, с которыми мужчина когда-либо стоял рядом дольше десяти минут.

Алиса вошла, держа Игоря Вадимовича под руку. Она почувствовала, как он напрягся, и легко провела большим пальцем по его рукаву. Не ласка — сигнал: дышите.

— Наконец-то! — воскликнула сестра. — Мы уже решили, что он тебя выдумал.

— Иногда мне тоже так кажется, — ответила Алиса и поцеловала Игоря Вадимовича в щёку.

Все засмеялись. Напряжение исчезло.

Дальше было просто.

Алиса улыбалась, когда следовало. Помнила, кто недавно сделал ремонт, а кто развёлся. Накладывала матери клиента салат без орехов. Перехватывала опасные вопросы шуткой. Когда тётка потребовала показать свадебные фотографии, Алиса призналась, что церемония была настолько маленькой, что фотографом работал случайный официант, а половина снимков оказалась размытой.

— Зато жених получился красивым, — добавила она.

Игорь Вадимович посмотрел на неё с благодарностью, слишком настоящей для их выдуманной истории.

В конце вечера его мать попросила Алису проводить её до машины.

Женщина была маленькая, хрупкая, с аккуратно уложенными седыми волосами. На улице она опёрлась на руку Алисы и неожиданно сказала:

— Вы хорошая актриса.

Алиса не остановилась. Клиенты иногда заранее предупреждали родственников, но Игорь Вадимович клялся, что никто не знает.

— Простите?

— Не бойтесь. Я не стану портить сыну праздник.

— Почему вы так решили?

— Потому что он всё время смотрит на вас, прежде чем ответить. Женатые мужчины делают наоборот: сначала говорят глупость, потом проверяют, насколько сильно рассердилась жена.

Алиса рассмеялась — уже не по роли.

— Вы скажете ему?

— Нет. Он соврал, чтобы я не волновалась. А я сделаю вид, что поверила, чтобы не волновался он. В нашей семье это считается заботой.

У машины женщина сжала её пальцы.

— Только вы ему скажите, что одному тоже можно быть нормальным. Он почему-то думает, что без жены выглядит сломанным.

— Скажу.

— И себе скажите.

Алиса не успела спросить, что та имеет в виду. Водитель открыл дверь, женщина села и тут же начала спорить с дочерью о том, можно ли открывать окно.

Обратно в агентство Алиса вернулась после полуночи. Сняла кольцо и положила в ячейку с номером семнадцать. В соседних лежали другие кольца: тонкие, широкие, мужские, женские, дешёвые, тяжёлые. Реквизит для историй, которые заканчивались раньше, чем успевал смазаться грим.

В кабинете горел свет. Лидия Андреевна сидела над расписанием.

— Клиент доволен, — сообщила она. — Оставил благодарность и попросил твой номер.

— Надеюсь, вы отказали.

— Разумеется. Мы не брачное агентство.

Алиса сняла серьги и положила рядом с кольцом.

— Его мать меня раскрыла.

— Скандал?

— Нет. Попросила передать, что одинокие люди не сломаны.

Лидия Андреевна подняла глаза вверх очков.

— Полезная мысль.

— Особенно от женщины, ради которой он нанял себе жену.

— Люди редко приходят к нам за тем, о чём пишут в заявке.

— А за чем они приходят?

— За разрешением сказать правду, не называя её правдой.

Алиса закрыла шкафчик.

— Завтра у меня выходной?

— Уже нет.

Лидия Андреевна протянула ей папку.

— У нас новый актёр. Будешь вводить в работу.

— Почему я?

— Он подходит тебе по росту.

— Весомый профессиональный критерий.

— И задаёт слишком много вопросов. Ты умеешь быстро отучать людей от любопытства.

На первой странице анкеты была фотография мужчины с прямым, внимательным взглядом. Под ней — имя: Максим Белов, тридцать четыре года, опыт в любительском театре, навыки импровизации.

Алиса закрыла папку.

— Надеюсь, он умеет играть мужа.

— Через четыре дня узнаем, — сказала Лидия Андреевна. — Вам уже нашли первую жену.

ГЛАВА 2 Новый партнёр

— • —

Роман Орлов умел входить в помещение так, чтобы его не запоминали.

Для журналиста это было полезнее хорошей дикции и дорожке дорогой камеры. Не смотреть слишком долго, не двигаться слишком быстро, не носить вещи с заметными логотипами. Люди охотно замечали того, кто хотел понравиться, и почти не видели человека, который выглядел уместно.

В «Близкие люди» он пришёл в сером свитере, тёмных джинсах и с поддельным резюме на имя Максима Белова.

Приёмная напоминала смесь кабинета психолога и закулисья районного театра. На стенах висели фотографии без подписей: женщина держала за руку старика; двое мужчин смеялись за праздничным столом; девочка в школьной форме обнимала незнакомую, вероятно, нанятую мать. Роман задержался возле последнего снимка.

— Фото публикуются только с письменного согласия всех участников, — сказала женщина за стойкой.

— Я ничего не спросил.

— Но подумали достаточно громко.

Это была не администратор. Он узнал её по сайту агентства — Алиса Снегирёва, ведущая исполнительница. В статье, которую он собирался написать, её имя пока стояло под заголовком «ключевой объект наблюдения».

В жизни она выглядела иначе, чем на фотографии. Не мягче и не красивее — точнее. Тёмные волосы были собраны на затылке, на лице почти не было косметики. Она смотрела на него так, будто уже заметила ложь, но ещё не решила, стоит ли тратить время на разоблачение.

— Максим Белов, — представился он.

— Я читала.

— И какое впечатление?

— Вы знаете разницу между Станиславским и Немировичем-Данченко, но не указали ни одного спектакля, в котором играли.

— Любительская студия закрылась.

— Вместе с памятью о постановках?

Роман улыбнулся.

— «Чайка». Играл Тригорина.

— Разумеется.

— Почему разумеется?

— Мужчины с вашим выражением лица всегда выбирают Тригорина. Им кажется, что наблюдательность оправдывает причинённый ущерб.

Он впервые за утро не нашёл быстрого ответа.

Алиса взяла со стойки папку и направилась по коридору.

— Идёмте. Проверим, насколько хорошо вы умеете врать.

— Разве это не основная квалификация здесь?

Она остановилась.

— Нет. Основная квалификация — не использовать чужую слабость против человека. Если для вас это одно и то же, дверь ещё рядом.

Роман выдержал её взгляд.

— Я останусь.

— Обычно так и делают.

В комнате для репетиций она посадила его в кресло и положила на стол карточку.

— Ситуация: ваша жена вернулась домой после ночной смены и нашла на кухне два бокала. Объясните.

— Ко мне приходил брат.

— У вас нет брата.

— Коллега.

— Почему вы вымыли тарелки, но оставили бокалы?

— Потому что тарелки занимали раковину.

— На втором бокале след помады.

— Коллега — женщина.

— Я спрашивала, кто приходил, когда позвонила час назад. Вы сказали, что были один. Роман чуть подался вперёд.

— Я знал, что ты устанешь, и не хотел начинать этот разговор по телефону.

— Какой разговор?

— Я собираюсь уходить с работы. Она предложила мне место в своей компании.

Алиса несколько секунд молчала.

— Неплохо. Вы не отрицали улику, придумали объяснение и превратили скрытность в заботу.

— Значит, прошёл?

— Нет. Теперь скажите правду.

— В рамках ситуации?

— В рамках вашей жизни. Почему вы пришли в агентство?

Он был готов к этому вопросу. Подготовленная история включала сокращение в рекламном агентстве, интерес к импровизации и желание «работать с человеческими эмоциями». Всё звучало достаточно правдоподобно, если произнести без пауз.

— Мне наскучило писать тексты, в которые никто не верит, — сказал он.

Это не было подготовленной фразой. И, к его раздражению, оказалось правдой.

Алиса заметила разницу. Взгляд у неё изменился — едва заметно, но Роман привык следить за лицами людей, когда они переставали защищаться.

— Чем вы занимались?

— Рекламой.

— Какой?

— Финансовые сервисы, недвижимость, иногда благотворительные проекты.

— Удобно. Можно убедить человека и потратить деньги, и почувствовать себя хорошим.

— Вы всегда разговариваете с новыми коллегами как следователь?

— Только с теми, кто отвечает как подозреваемый.

Она протянула вторую карточку.

— Вы мой муж. Мы женаты пять лет. Сегодня я узнала, что беременна. Я не уверена, что хочу ребёнка.

— Есть вводные обо мне?

— Нет. Реагируйте.

Алиса отвернулась к окну, будто собираясь с силами. Когда снова посмотрела на него, в её лице уже не было испытующей холодности. Плечи опустились, пальцы сжали край стола.

— Максим, нам нужно поговорить.

Переход был настолько точным, что Роман на секунду забыл: перед ним актриса.

— Что случилось?

— Я сделала тест.

Она не договорила. Ждала.

Он мог сыграть радость, испуг, растерянность. Вместо этого спросил:

— Ты хочешь, чтобы я сейчас обрадовался?

Алиса моргнула.

— Я не знаю.

— Тогда не буду угадывать. Скажи, чего боишься.

Её пальцы разжались.

— Что всё изменится.

— Изменится.

— Ты даже не пытаешься успокоить.

— Потому что тогда я буду успокаивать себя, а не тебя.

В комнате стало тихо. Роман видел, что она собирается продолжить сцену, но какая-то часть её уже вышла из роли. Он слишком хорошо знал это мгновение: человек ещё произносит заданные слова, но отвечает на собственный вопрос.

— А если я решу, что не готова? — спросила она.

— Тогда мы будем разбираться с этим решением вместе. Не потому, что я согласен со всем. Потому, что ты не должна проходить через него одна.

Алиса отвела взгляд первой.

— Достаточно.

Она собрала карточки, аккуратно выровняла их края.

— Вы умеете слушать.

— Это комплимент?

— Это предупреждение. Люди будут рассказывать вам больше, чем собирались. Не путайте доверие с разрешением распоряжаться услышанным.

Фраза ударила точнее, чем могла знать Алиса.

В кармане Романа лежал диктофон размером с зажигалку. Он не включил его. Пока.

После инструктажа Лидия Андреевна ознакомила его с правилами. Никаких подмен в юридически значимых ситуациях. Никаких денег от клиентов напрямую. Никаких романтических или сексуальных отношений во время заказа. Физический контакт — только заранее согласованный. Экстренное прекращение сцены по слову «антракт».

— А если клиент нарушает границы? — спросил Роман.

— Исполнитель уходит, — ответила директор. — Гонорар сохраняется. Клиент попадает в чёрный список.

— А если границы нарушает исполнитель?

— Он уходит навсегда.

Она произнесла это без угрозы. Просто сообщила закон, существовавший здесь дольше любого сотрудника.

Вечером Роман встретился с редактором в баре возле редакции. Павел Семёнов листал распечатанную анкету агентства и недовольно морщился.

— Слишком чисто, — сказал он. — Запреты, согласия, психолог на консультации. Читатель не любит сложных злодеев.

— Мы пока не знаем, есть ли злодей.

— Есть одинокие старики, которые переводят деньги актёрам за изображение родственников. Этого достаточно.

Роман поставил на стол копию банковской выписки отца. За полгода до смерти Сергей Орлов перевёл агентству почти миллион рублей. Несколько платежей были помечены как «индивидуальная сессия», один — как «специальная программа». Имя Алисы Снегирёвой фигурировало в приложении к договору.

— Я найду, за что он платил, — сказал Роман.

— Ты найдёшь больше. Иначе личная история не оправдывает внедрение.

— Мы договорились: никаких публикаций до моего решения.

Павел поднял ладони.

— Разумеется. Ты автор.

Роман знал его пятнадцать лет и потому должен был услышать ложь. Но в тот вечер он думал об отце, о фотографии в папке и о женщине, которая несколько часов назад сказала ему не путать доверие с разрешением.

Он достал телефон и создал новую заметку.

«Алиса Снегирёва. Высокий уровень эмпатической подстройки. Мгновенно меняет поведение собеседника. Возможный основной инструмент воздействия на клиентов».

Перечитал и добавил:

«Наблюдать».

ГЛАВА 3 Идеальная история

— • —

Первую совместную легенду они придумывали в среду утром.

Клиентку звали Яна Корнеева. Тридцать семь лет, владелица мастерской керамики и трёх магазинов интерьерных вещей. В анкете она написала: «Нужен муж на семейный ужин. Родители приезжают на годовщину. Думают, что я вышла замуж. Продолжительность — четыре часа. Муж должен быть нормальным».

— Это важная характеристика, — заметил Максим, сидя напротив Алисы в переговорной. — Как играть нормального?

— Не рассказывать о себе первые двадцать минут.

— Уже провалил.

— И не шутить, когда человек волнуется.

Яна пришла в белом брючном костюме, поставила на стол два телефона и сразу предупредила, что у неё сорок пять минут.

— Мои родители из небольшого города, — сказала она. — Они хорошие люди. Просто считают, что женщина без мужа после тридцати пяти либо несчастна, либо скрывает характер.

— А вы? — спросил Максим.

— Я скрываю мужа.

Алиса увидела, как он едва заметно улыбнулся. Яна тоже заметила и впервые расслабилась.

История появилась быстро. Они познакомились в поезде Петербург—Москва, когда Яна случайно заняла место Максима. Он работал архитектором, занимался восстановлением старых зданий. Женаты четыре месяца. Свадьбу сыграли без гостей, потому что «решение было спонтанным». Жили у Яны. Детей не планировали обсуждать за столом ни при каких обстоятельствах.

— Архитектор? — переспросила Алиса, когда Яна вышла ответить на звонок. — Почему не рекламщик? Это хотя бы близко к вашему резюме.

— Её отец — строитель. Архитектор даст ему безопасную тему для допроса.

— И если он спросит о нагрузках на перекрытия?

— Скажу, что занимаюсь концепциями и исторической средой.

— Вы подозрительно легко придумываете способы не отвечать.

— Вы подозрительно часто это замечаете.

Яна вернулась и положила перед ними фотографию родителей. Отец — крупный мужчина с седыми усами. Мать — яркая женщина в красном пальто.

— Папа молчит, когда не доверяет. Мама задаёт вопросы. Очень много вопросов. Она наверняка попросит рассказать, как Максим сделал предложение.

— Как я сделал предложение? — спросил он.

Яна посмотрела на Алису.

— Придумайте что-нибудь красивое.

— Красивое обычно сложнее помнить, — сказала Алиса. — Лучше простое.

— Но я четыре месяца рассказывала маме, что это было невероятно романтично.

— Насколько невероятно?

— Я упоминала крышу.

— Какую?

— Не уточняла.

Максим задумался.

— Ваша мастерская находится в бывшем заводском корпусе. Есть выход на крышу?

— Есть, но он закрыт.

— В нашей истории я договорился с управляющим, поднял туда стол, свечи и вашу любимую еду.

— Я не ем после шести.

— Тогда предложение было в пять сорок пять.

Яна кивнула с серьёзностью человека, утверждающего бизнес-план.

— Кольцо?

Она достала из сумки бархатную коробочку. Внутри блеснул крупный камень.

— Купила сама. Мужчинам нельзя доверять важные украшения.

Максим взял кольцо, но не передал ей.

— Можно?

— Что?

Он встал, обошёл стол и опустился перед Яной на одно колено.

— Вы должны помнить не текст, а ощущение, — сказал он. — Иначе весь вечер будете рассказывать как по презентации.

Алиса уже собиралась остановить его: клиентка не просила о репетиции, физическая дистанция не была согласована. Но Максим не коснулся Яны. Он просто держал открытую коробочку и смотрел на неё снизу вверх.

— Что я тогда сказал? — спросил он.

Яна растерялась.

— Не знаю. Вы придумайте.

— Нет. Что вы хотели бы услышать?

Её деловая собранность исчезла. Яна оглянулась на телефоны, будто один из них мог подсказать правильный ответ.

— Что со мной не трудно, — сказала она наконец. — Все почему-то думают, что со мной трудно.

Максим закрыл коробочку и поднялся.

— Тогда я сказал: «Яна, рядом с тобой не всегда легко. Но мне никогда не хочется быть где-то ещё».

Яна отвернулась к окну. Алиса заметила, как дрогнула её нижняя губа.

— Подойдёт, — коротко сказала клиентка. — Запишите.

Когда встреча закончилась, Алиса закрыла дверь и повернулась к Максиму.

— Никогда больше так не делайте.

— Что именно?

— Не загоняйте клиента в эмоцию без предупреждения.

— Она просила красивую историю.

— Она просила мужа на ужин. Это разные услуги.

— Но теперь история для неё что-то значит.

— Именно поэтому. Она заплатит нам за четыре часа и останется с воспоминанием о предложении, которого не было.

— А разве не в этом ваша работа?

Алиса подошла ближе.

— Наша работа — помочь человеку прожить необходимый разговор. Не создавать зависимость от чувств, которые мы ему дали.

— Вы думаете, она влюбилась в меня за тридцать секунд?

— Я думаю, вы слишком довольны тем, как легко смогли её растрогать.

Максим перестал улыбаться.

— Вы всегда предполагаете худшее?

— Только пока человек не докажет обратное.

— Удобная система. Никто не проходит проверку, потому что вы не называете условия.

Фраза была неприятной именно потому, что попала в цель. Алиса взяла папку Яны и стала складывать бумаги, хотя они уже лежали ровно.

— Завтра репетиция прикосновений, — сказала она. — Супруги не держатся на расстоянии вытянутой руки. Обсудим, что допустимо.

— Хорошо.

— И не опаздывайте.

— Я пришёл сегодня на семь минут раньше.

— Значит, умеете.

У двери он остановился.

— Алиса.

— Что?

— Какое предложение понравилось бы вам?

Она не подняла головы.

— Никакое.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который вам понадобится.

Когда он ушёл, Алиса обнаружила на столе кольцо Яны. Максим, вероятно, забыл вернуть его после импровизации.

Она открыла коробочку. Камень был слишком большой, почти вызывающий. На внутренней стороне ободка была выгравирована дата — через две недели.

Яна купила не просто кольцо для легенды. Она заранее выбрала день несуществующей свадьбы.

Алиса закрыла крышку и впервые подумала, что Максим, возможно, увидел в клиентке не слабость, а то, что сама Алиса предпочла не замечать.

Желание хотя бы один раз услышать слова, которые никто не собирался ей говорить.

ГЛАВА 4 Первый брак

— • —

Яна встретила их у подъезда и сразу попросила развестись.

— Мама приехала с тётёй Лилей, — прошептала она. — Я не предупреждала про тётю Лилю. Она работала следователем.

Максим поправил шарф.

— По каким делам?

— Какая разница?

— Если по убийствам, архитектурные ошибки её не заинтересуют. Если по экономическим — не называйте стоимость кольца.

— Это не смешно.

— Мне тоже страшно.

Яна посмотрела на него, потом на Алису.

— Он всегда такой?

— К сожалению, сегодня вы за него замужем.

Квартира Яны находилась в старом доме с лепными карнизами и окнами во двор-колодец. Интерьер был безупречным: светлая мебель, авторская керамика, книги, расставленные не по цветам, а по высоте. На каминной полке стояли две фотографии Яны с Максимом, сделанные накануне в агентстве. На одной они смеялись, глядя друг на друга. Фотограф попросил их вспомнить что-нибудь смешное; Максим тихо сказал, что слово «креманка» звучит как фамилия обедневшего дворянского рода. Алиса не собиралась смеяться, но кадр получился убедительным.

— Дети! — воскликнула мать Яны, едва они вошли. — Наконец-то!

Она обняла дочь, потом Максима, потом Алису — видимо, от избытка чувств. Алиса представилась подругой семьи и организатором маленькой свадебной церемонии. По легенде она приехала передать Яне подарок и должна была уйти через полчаса. На самом деле её присутствие было страховкой: если супруги забудут детали, она подаст сигнал или переведёт разговор.

Отец Яны пожал Максиму руку и спросил:

— Фундаменты рассчитываешь?

— Я работаю с историческими объектами. В основном концепция восстановления и адаптация зданий.

— То есть картинки рисуешь.

— Иногда картинки стоят дороже бетона.

Отец прищурился. Затем хлопнул Максима по плечу.

— Нормально ответил. Проходи.

Тётя Лиля ничего не сказала. Она сидела у окна, наблюдая за всеми поверх тонкой чашки.

Первый час прошёл почти идеально. Яна и Максим не перебивали друг друга, помнили историю знакомства и даже одинаково ответили на вопрос, кто первым предложил съехаться. Когда мать попросила показать кольцо, Яна протянула руку с такой естественной гордостью, что Алиса ощутила короткий укол жалости.

Кольцо было настоящим. Горела в нём и надежда — тоже настоящая. Только мужа не существовало.

За горячим отец начал расспрашивать Максима о работе. Тот отвечал уверенно, не углубляясь в детали. Алиса знала, что он готовился всю ночь: утром в переговорной лежали распечатки о реставрации кирпичной кладки и приспособлении промышленных зданий. Слишком старательно для человека, который называл всё происходящее обычной импровизацией.

— А дети? — спросила мать Яны, как и было предсказано.

Яна потянулась за водой.

— Мам, мы договорились...

— Я просто спрашиваю. Не запрещено же спросить.

— Мы пока хотим пожить для себя, — сказал Максим.

— В вашем возрасте «пока» быстро заканчивается.

Алиса уже собиралась вмешаться, но Яна положила руку на запястье Максима. Жест не входил в репетицию.

— Мы ещё не решили, — сказала она. — И это нормально.

Максим накрыл её ладонь своей.

— Да, — подтвердил он. — Нормально.

Мать хотела возразить, но отец тихо произнёс её имя. Этого оказалось достаточно.

После десерта тётя Лиля попросила Максима помочь принести из кухни чайник. Алиса проводила их взглядом. Яна заметила.

— Она его расколет?

— Он не дыня.

— Вы не знаете тётю Лию.

— А вы не знаете Максима.

Слова вырвались прежде, чем Алиса успела решить, верит ли в них.

На кухне тётя Лиля закрыла дверь и спросила:

— Где вы учились?

Максим назвал архитектурный институт.

— Год выпуска?

Он ответил.

— Декан?

— Я плохо запоминаю начальство.

— Удобно.

Она поставила чайник на поднос, но не отдала ему.

— Вы не архитектор.

Максим прислонился к столешнице.

— Почему?

— Мой покойный муж был архитектором. Ни один из них не назовёт кирпич просто кирпичом. Обязательно скажет марку, век или степень разрушения.

— Возможно, я плохой архитектор.

— Возможно. Но Яна смотрит на вас так, будто репетирует.

Он не стал отрицать. Тётя Лиля ждала, и это молчание оказалось лучшим ответом.

— Она счастлива? — спросила женщина уже другим тоном.

— Сегодня хочет казаться счастливой.

— Я спросила не это.

— Не знаю.

Тётя Лиля кивнула, будто именно такой честности добивалась.

— Тогда не заставляйте её пожалеть о сегодняшнем вечере.

Когда они вернулись, мать Яны объявила, что пора произнести тост за молодожёнов. Отец сказал несколько простых слов о доверии. Мать пожелала внуков, но после взгляда мужа быстро добавила: «когда сами захотите». Яна подняла бокал и попросила Максима рассказать, почему он на ней женился.

Этого не было в плане.

Алиса увидела, как Яна едва заметно покачала головой: не готовая фраза про крышу. Что-нибудь другое. Что-нибудь, чему можно поверить хотя бы до конца вечера.

Максим посмотрел на неё.

— Я выбрал Яну не потому, что она идеальная, — сказал он. — И не потому, что рядом с ней всегда легко. А потому, что рядом с ней мне впервые не хочется притворяться человеком, у которого всё под контролем.

В комнате стало тихо.

Он продолжал смотреть на Яну, но Алисе показалось, что слова прошли сквозь клиентку и остановились где-то между ними двумя.

— Она замечает, когда мне страшно, — добавил Максим. — И не делает вид, что этого нет. Думаю, семья начинается именно с этого. Не с уверенности. С человека, перед которым можно её потерять.

Мать Яны заплакала. Отец поднял бокал. Даже тётя Лиля отвела глаза.

Яна улыбнулась, но пальцы, лежавшие на столе, дрожали.

Через двадцать минут родители уехали в гостиницу. Тётя Лиля задержалась в прихожей, поцеловала Яну в щёку и тихо сказала:

— Позвони, когда захочешь рассказать правду. Я помогу объяснить остальным.

Яна застыла.

— Ты знала?

— Милая, я тридцать лет слушала ложь людей, которые готовились лучше.

Она улыбнулась Максиму, кивнула Алисе и ушла.

В квартире остались трое. На столе догорали свечи, в бокалах теплело вино.

Яна сняла кольцо.

— Всё, — сказала она. — Брак окончен.

Но вместо облегчения в голосе прозвучала пустота.

Максим не стал шутить.

— Вы можете оставить кольцо.

— Я его и так купила.

— Я не об этом.

Яна закрыла коробочку.

— Спасибо. Оба. Вы были очень убедительными.

Она заплатила за убедительность, но произнесла это так, будто обвиняла.

На лестнице Алиса догнала Максима.

— Та фраза в тосте была лишней.

— Она попросила ответить.

— Вы могли использовать легенду.

— Мог.

— Тогда зачем сказали это?

Он остановился на площадке между этажами.

— Потому что красивую ложь она уже придумала сама. Ей нужен был хотя бы один честный момент.

— Честный для кого?

Максим посмотрел на неё слишком прямо.

— Пока не решил.

ГЛАВА 5 Лишняя импровизация

— • —

На следующий день Яна прислала в агентство коробку чашек.

Каждая была сделана вручную и немного отличалась от остальных. На одной ручка была слишком тонкой, на другой глазурь стекла неровной полосой, третья казалась идеальной, пока её не ставили на стол: тогда становилось заметно, что дно чуть выпуклое и чашка покачивается.

К коробке прилагалась записка: «Спасибо за неидеальный вечер. Родителям сказала правду. Папа спросил, зачем я выбрала архитектора, если могла нанять лётчика».

Лидия Андреевна прочитала записку дважды.

— Клиент не жалуется, — сказала она.

— Это не значит, что Максим всё сделал правильно, — ответила Алиса.

— Не значит.

— Вы его уволите?

— Ты хочешь, чтобы уволила?

Алиса выбрала чашку с неровной глазурью и налила кофе.

— Я хочу, чтобы правила что-то значили.

— Правила значат. Поэтому он сегодня пишет объяснительную и пропускает следующий заказ. Но клиентка после вечера перестала платить нам за продолжение лжи. Иногда ошибка исполнителя оказывается полезнее безупречной услуги.

— Это опасная логика.

— Любая работа с людьми опасна, если хочется заранее знать правильный результат.

Лидия Андреевна закрыла папку Яны.

— Ты злишься не из-за правил.

— А из-за чего?

— Из-за тоста.

Алиса сделала глоток. Кофе был слишком горячим.

— Он говорил клиентке.

— Конечно.

— Не начинайте.

— Я ничего не начинала. У тебя в расписании репетиция с новым партнёром в двенадцать. Он уже пришёл.

Максим сидел в комнате для реквизита и писал объяснительную от руки. На столе перед ним лежали три испорченных листа.

— Не получается признать вину? — спросила Алиса.

— Пытаюсь подобрать формулировку, которая не звучит как признание в манипуляции.

— Вы манипулировали.

— Я ответил на вопрос.

— Так, чтобы клиентка поверила в чувства, которых не было.

Он положил ручку.

— А если были?

Алиса почувствовала, как напряглись плечи.

— К Яне?

— Нет.

Пауза стала слишком длинной. Максим отвёл взгляд первым и дописал строку.

— Я имел в виду, что слова могли быть честными, даже если отношения вымышлены.

— Слова существуют внутри отношений. Иначе это просто красивый текст.

— Вы в это действительно верите?

- Да.
- Тогда актёр никогда не может сказать на сцене правду.
- Сцена предупреждает зрителя, что перед ним вымысел.
- А здесь?
- Здесь мы обязаны предупреждать хотя бы себя.
- Он подписал объяснительную и протянул ей.
- Проверите?
- Я не ваш руководитель.
- Но ведёте себя убедительно.

Алиса взяла лист. В нём было всего четыре предложения: «Я нарушил согласованный сценарий и усилил эмоциональное вовлечение клиента. Признаю, что не оценил последствия импровизации. В дальнейшем буду согласовывать отклонения с ведущим исполнителем. При повторном нарушении готов прекратить сотрудничество».

- Слишком хорошо, — сказала она.
- Простите?
- Люди, которые действительно пишут объяснительные, начинают с погоды и заканчивают тем, что виноват принтер.
- Есть опыт?
- Театр.

Это было первое личное слово, которое она произнесла рядом с ним. Максим заметил, но не бросился задавать вопросы. За это Алиса почувствовала к нему почти благодарность.

Они начали репетицию физического контакта для будущих заказов. В агентстве существовала таблица допустимых жестов: рукопожатие, прикосновение к предплечью, объятие, поцелуй в щёку, поцелуй в губы. Последний почти никогда не использовали и всегда оговаривали отдельно.

- Супруги редко спрашивают разрешения взять друг друга за руку, — сказала Алиса.
- Поэтому мы договариваемся заранее. Что для вас допустимо?

- Всё, кроме пощёчины.
- Пощёчина тоже бывает согласованной.
- Тогда всё, кроме несогласованной пощёчины.
- Объятия?
- Да.
- Рука на талии?
- Да.
- Поцелуй в щёку?
- Да.
- В губы?

Максим посмотрел на неё. Он мог ответить шуткой, но не стал.

- Только если необходим для сцены и вы согласны.
- Хорошо.
- А для вас?
- Те же условия.
- Даже пощёчина?
- Особенно пощёчина.

Она показала, как партнёр должен подходить со стороны, чтобы не застать человека врасплох, как обозначать объятие и оставлять возможность отступить. Максим повторял точно. Его ладонь остановилась у её талии, не касаясь ткани платья.

- Можно? — спросил он.
- Можно.

Он положил руку. Алиса сделала шаг ближе, коснулась его плеча. Обычное упражнение. Они оба знали, где заканчивается жест, сколько секунд он должен длиться и в какой момент следует разойтись.

Но Максим не смотрел на положение рук. Он смотрел ей в лицо.

— Теперь что? — тихо спросил он.

— Улыбнитесь человеку за моим плечом. Мы на семейном празднике.

Он улыбнулся, не отводя глаз.

— Так неправдоподобно, — сказала Алиса.

— Почему?

— Потому что вы смотрите на меня.

— Муж может смотреть на жену.

— Не так долго.

— Сколько разрешено?

— Три секунды.

— Это правило агентства?

— Моё.

— И что происходит на четвёртой?

Алиса отступила.

— Ошибка исполнителя.

В дверях стояла Лидия Андреевна. Неизвестно, как давно она наблюдала.

— Репетиция окончена, — сказала директор. — Максим, объяснительную мне на стол.

Алиса, новый запрос.

Она протянула тонкую папку. На обложке было написано: «Семейная роль. Два исполнителя. Ребёнок, тринадцать лет».

— Родители? — спросила Алиса.

— На один школьный вечер.

Максим взял папку прежде, чем она успела возразить.

— Значит, второй брак.

— Первый не считается, — сказала Алиса.

— Для Яны, возможно, считался.

— Тем более не считается для нас.

Он кивнул, но по выражению его лица она поняла: считать он уже начал.

ГЛАВА 6 Запись номер один

— • —

Вечером Роман впервые включил диктофон в стенах агентства.

Он сидел один в комнате для репетиций. Рабочий день закончился, из коридора доносился шум пылесоса. Красная точка на корпусе мигнула и исчезла: устройство записывало без подсветки.

— Запись номер один, — сказал Роман. — Объект: агентство «Близкие люди». Пятый день внедрения.

Собственный голос прозвучал слишком официально. Он остановил запись, начал заново.

— Система работы формально выстроена с учётом согласий и ограничений. Прямых признаков финансового давления на клиентов не обнаружено. Основная услуга основана на эмоциональной имитации. Исполнители получают доступ к личной информации, семейным конфликтам и уязвимостям клиентов.

Он замолчал.

Следовало сказать об Алисе. О том, как она мгновенно создавала ощущение близости, как замечала изменение дыхания, положение пальцев, паузы перед ответом. В других обстоятельствах Роман назвал бы это технологией влияния. Но он видел её после ухода Яны: Алиса стояла на кухне агентства и двадцать минут спорила с Лидией Андреевной, доказывая, что с клиентки нельзя брать деньги за запланированный второй ужин. Не знала, что Роман слышит. Не играла.

— Ведущая исполнительница Алиса Снегирёва демонстрирует высокую степень эмоциональной подстройки, — продолжил он. — При этом активно ограничивает вовлечение клиентов и коллег. Возможная причина — профессиональная этика либо личная защитная стратегия.

Он выключил диктофон.

Последняя фраза относилась уже не к расследованию.

Дверь открылась. Роман успел накрыть устройство ладонью.

Алиса вошла с двумя папками.

— Вы ещё здесь?

— Изучаю новый запрос.

— В темноте?

Она включила верхний свет. Роман сунул диктофон в карман, надеясь, что движение выглядело естественно.

— Экономлю электричество.

— Благородно. Особенно в чужом офисе.

Алиса села напротив и раскрыла папку. На первой странице была фотография худого мальчика с коротко стриженными волосами. Он стоял у школьной доски и не улыбался.

— Михаил Сафронов, тринадцать лет, — прочитала она. — Живёт в центре временного размещения. Мать лишена родительских прав, отец не указан. Запрос подала школьный психолог.

— Зачем ему нанятые родители?

— В пятницу у них «Вечер семейных историй». Ученики приходят с родственниками и представляют проект о своей семье. Миша отказался участвовать. Одноклассникам сказал, что родители работают за границей и скоро вернутся.

— Школа знает?

— Директор и психолог знают, кто мы. Остальные — нет.

— То есть взрослые официально помогают ребёнку обмануть класс.

— Лидия Андреевна согласилась только при условии, что после вечера психолог начнёт с ним работу над правдой. Мы не должны укреплять легенду. Наша задача — дать ему пережить один вечер без публичного унижения.

— А потом унижение станет отложенным.

— Возможно.

— Вы не возражали?

— Возражала.

— Но всё равно согласились.

— Иногда отказ взрослого быть соучастником оставляет ребёнка одного со значительно худшим решением.

Роман посмотрел на фотографию. В тринадцать лет он сам впервые понял, что отец умеет молчать неделями. После смерти матери их квартира стала пространством, где двое мужчин обходили друг друга, чтобы случайно не произнести нужное слово. Роман уходил в школу раньше, возвращался позже, придумывал друзьям командировки отца и семейные поездки, которых не было.

— Кто придумал легенду про границу? — спросил он.

— Миша. Мы должны встретиться завтра и попытаться превратить её во что-то менее хрупкое.

— Кем работаем?

— Пока не знаю.

— Дипломаты?

— Слишком много вопросов.

— Нефтяники?

— Тринадцатилетние быстро проверяют всё в интернете.

— Цирковые артисты.

Алиса впервые за вечер улыбнулась.

— И поэтому не можем приехать на школьный вечер без грима?

— Наоборот. Приехали между гастролями.

Она закрыла папку.

— Вы хорошо ладите с детьми?

— Не знаю.

— У вас есть?

— Нет.

Ответ получился резче, чем он хотел.

Алиса не стала уточнять. Она вообще умела останавливаться на границе, которую большинство людей принимало за приглашение.

— Тогда завтра узнаем, — сказала она.

Когда она ушла, Роман достал диктофон. Красная точка всё ещё не горела. Он думал, что выключил устройство, но на экране шёл таймер: двадцать две минуты.

Их разговор записался целиком.

Он должен был сохранить файл в папку расследования. Вместо этого прослушал последние секунды: голос Алисы, спокойный и чуть усталый — «Тогда завтра узнаем».

Роман удалил запись.

Через минуту телефон завибрировал. Павел прислал сообщение:

«Нужна фактура. Не превращайся в актёра. Ищи платежи, стариков, нарушения. Срок — три недели».

Роман набрал ответ: «Публикации не будет, пока я не разберусь с отцом».

Потом открыл банковскую выписку Сергея Орлова. Последний платёж агентству был сделан за девять дней до смерти. В назначении стояло: «Программа Р. Финальная сессия».

Роман увеличил строку, будто в ней могло появиться объяснение.

На столе лежала фотография Миши. Мальчик смотрел в объектив тем же выражением, что когда-то было у самого Романа на школьных снимках: словно заранее предупреждал фотографа, что улыбаться не обязан.

Роман снова включил диктофон.

— Запись номер один, — сказал он. — Начать заново.

ГЛАВА 7 Обычная семья

— • —

Миша пришёл на встречу с рюкзаком, который был почти шире его плеч, и сразу спросил, сколько им заплатят.

— Это обсуждают взрослые, — ответила школьный психолог.

— Значит, много.

— Не много, — сказала Алиса. — Но достаточно, чтобы мы подготовились и не опоздали.

Мальчик сел на край дивана. Его звали Михаил Сафронов, но на просьбу обращаться к нему по имени он сказал: «Миша — для своих». После этого все называли его Михаилом.

Психолог, Ольга Геннадьевна, объяснила условия ещё раз. Вечер пройдёт в актовом зале. Каждая семья подготовит короткий рассказ о традиции, профессии или важном событии. Учителя знают, что Алиса и Максим — приглашённые исполнители. Одноклассникам ничего не сообщат, если Михаил сам не захочет.

— Не захочу, — сказал он.

— Хорошо, — ответила Алиса. — Тогда нам нужны факты, которые ты уже рассказывал.

— Папа строит отели в Дубае. Мама фотографирует животных в Африке.

Максим поднял брови.

— У тебя амбициозные родители.

— Обычные.

— Конечно.

— И они вместе, — добавил Михаил. — Не разведены. Просто работают.

— Как давно они уехали? — спросила Алиса.

— Три года назад.

— Почему ты не поехал с ними?

Мальчик пожал плечами.

— Там опасно.

— В Дубае или в Африке?

— Везде.

Алиса записала. Не для того, чтобы сохранить нелепую легенду, а чтобы увидеть места, где она развалится первой.

— У тебя есть их фотографии?

Михаил достал телефон. На экране появились снимки мужчины и женщины лет тридцати. Алиса узнала кадры из бесплатного фотобанка: улыбающаяся пара на пляже, мужчина с ноутбуком, женщина с камерой.

Максим тоже узнал, но ничего не сказал.

— Как нас зовут? — спросил он.

— Андрей и Вера.

— Фамилия?

— Сафроновы.

— Я Андрей, мама Вера?

Михаил кивнул.

— Ты не похож на Андрея, — добавил он.

— Чем?

— Андрей добрее.

— На фотографии он просто смотрит на море.

— Всё равно видно.

Максим наклонился вперёд.

— Тогда покажи, как он разговаривает.

— Нормально.

— Что говорит, когда ты получаешь двойку?

— Я не получаю двоек.

— Допустим.

— Он говорит: «Ничего страшного, исправишь».

— А когда ты врёшь?

Михаил мгновенно закрылся.

— Я не вру.

— Тогда Андрей не нужен.

— Почему?

— Потому что хорошего отца обычно придумывают не для пятёрок. Его придумывают для тех дней, когда всё сделал неправильно и всё равно хочешь, чтобы он пришёл.

Ольга Геннадьевна открыла рот, собираясь вмешаться. Алиса едва заметно покачала головой.

Михаил посмотрел на Максима исподлобья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.